

ИСТОРИЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ИРКУТСКА

Иркутск... единственный город Сибири, имеющий городской характер... Как Англия создала Лондон и Франция Париж, так Сибирь создавала Иркутск. Она гордится им, и не видеть Иркутска – значит не видеть Сибири...

Н. Шелгунов
(известный русский публицист XIX в.)

«Иркутск – город исторический. Он играет приметную роль в истории России и в сегодняшнем дне страны, он не случайно отнесен к городам-музеям, ибо сохранил много старины, романтический облик несуетной степенной застройки, сияние церковных куполов над синим кипением Ангары. Улицы его – как срез времени, где нагромождены века, сменяя друг друга». Так писал об Иркутске его почетный гражданин, известный писатель и поэт М.Д. Сергеев.

Наш город славен не только своими храмами, элегантными каменными строениями центральных улиц, но прежде всего крупными фрагментами исторической деревянной застройки, не имеющей аналогов ни в количественном, ни в качественном отношении. В стороне от шумных центральных улиц сохранились тихие улочки с уютными дворами, деревянными, соразмерными человеку домами. Именно эти, чудом уцелевшие среди современного города, деревянные комплексы, соединившие народные традиции и приемы профессиональной архитектуры, в основном определяют облик и своеобразие исторического Иркутска. Такие районы воспринимаются не как совокупность отдельных строений, а именно как единый цельный ансамбль. И хотя строения появились в разное время, выполнены в разных стилях и разными владельцами, но вместе они формируют впечатление удивительной гармонии. Именно они создают ощущение атмосферы старого города, его одухотворенности и глубины, неразрывной связи с предшествующими поколениями.

Деревянное зодчество Иркутска – пример ярчайшего и самобытного проявления национальной русской культуры, ее самостоятельная и неотъемлемая часть. Со времени возникновения города в середине XVII века и вплоть до конца XIX века дерево было основным строительным материалом. Обычно использовали хвойные породы – сосну и лиственницу, и изредка – кедр. Испокон веку из дерева не только рубили постройки: острожные, казенные, жилые и хозяйственные, воздвигали церкви и часовни, поклонные кресты, но и делали почти все необходимые в быту предметы. Дерево было и последним пристанищем человека на земле – из него сооружали домовины, а также надмогильные кресты. Оно же служило и основным топливом. Без преувеличения можно сказать, что дерево было больше чем про-

**Гарашенко
Алексей Николаевич** – историк, редактор журнала «Земля Иркутская»,
**Ладейщикова
Елена Робертовна** – архитектор, зам. Начальника отдела истории архитектуры и градостроительства Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области

сто строительный материал, оно было частью и осн. нов. жизни.

Деревянное зодчество – уникально, но, к сожалению, век его жизни не всегда долог. И если несколько столетий назад деревянные строения в Сибири были обычным явлением, то теперь их остается

все меньше и меньше и из разряда обыденных они переходят в разряд уникальных. Уникальными их делает время, пощадив некоторые из них от уничтожения. Но время неумолимо, и с его стремительным течением становится все меньше подобных объектов. Это очень заметно в городах Сибири, подавляющему большинству из которых уже не суждено похвастаться богатством деревянного зодчества.

Иркутску повезло несколько больше, но и его запасы деревянных памятников – небезграничны, и с каждым годом их становится все меньше и меньше.

Естественно, что от разных эпох сохранилась лишь какая-то часть исторических строений. В силу различных причин – периодически возникавших опустошительных пожаров, естественной сменяемости построек, градостроительной политики властей – различные временные периоды застройки сегодня представлены по-разному: одни – полно, во всем многообразии, другие – единичными строениями, о некоторых можно судить лишь по более поздним образцам, поскольку строительные приемы были достаточно устойчивыми и воспроизводились в более позднее время.

Сейчас сохранившиеся в Иркутске деревянные дома представляют почти все этапы его существования за исключением самого первого столетия.

Во все времена своеобразными рубежами развития были пожары, в итоге приводившие к кардинальному обновлению городов. Таким рубежом для Иркутска был крупный пожар 1879 г., при котором выгорела вся центральная часть города. Потому и «допожарных» построек (первой половины и середины XIX столетия) в Иркутске сохранилось не так много, преимущественно это жилые дома, а также единственная в городе деревянная скитская церковь Михаила Архангела (1872–1876 гг.).

Основная же масса существующих в городе деревянных памятников датируется «послепожарным» периодом, т. е. 1880–1910-ми годами. Это разного рода общественные и административные здания, учебные и производственные постройки, воинские казармы, многочисленные усадебные жилые комплексы, сохранившие планировочную структуру и полный набор строений (малые архитектурные формы – ворота, заплоты, беседки и пр.).

В настоящем издании авторы не ставят целью рассмотрение всей истории развития Иркутска. Нашей задачей является обзор деревянного зодчества Иркутска, который даст возможность представить облик города на разных этапах его существования. Мы хотим наглядно, с помощью великолепного иллюстративного материала помочь потенциальному читателю понять особенности и закономерности развития деревянной архитектуры столицы Восточной Сибири.

XVII ВЕК – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТΙΑ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА

Несмотря на то что от начального этапа существования города не сохранилось каких-либо построек, об этом периоде необходимо упомянуть особо, поскольку именно тогда была заложена основа его дальнейшего развития. Географическое положение острога, окружающий ландшафт, водные и сухопутные связи с соседними опорными пунктами государства Российского, Байкалом и сопредельными территориями – все это в конечном счете предопределило векторы будущей застройки. Сам острог был поставлен в стратегически выгодном месте – на высоком правом берегу Ангары (сегодня здесь расположен мемориал «Вечный огонь»), напротив устья Иркуты и чуть выше места впадения реки Иды (сейчас р. Ушаковка) и, что важно, в месте, благоприятном для будущего города.

Со временем вокруг острога начинает формироваться посад – жилое поселение. Усадьбы, образуя первые улицы, выстраиваются вдоль берега и основных транспортных связей.

В 1670–1680-х годах закладываются Вознесенский мужской и Знаменский женский монастыри, впоследствии вокруг которых разрослись селения, вошедшие затем в состав города. Тогда же появились первые поселенцы и на левом берегу Ангары, основавшие Глазковское предместье.

ОБЛИК ИРКУТСКА XVIII ВЕКА

Трудно судить об облике Иркутска XVIII века, не зная описаний города, оставленных посетившими его в тот период путешественниками, учеными, а также сохранившихся исторических планов и рисунков. Наиболее ранние панорамные изображения города представлены на гравюрах: А.Г. Рудакова, выполненной по рисунку И.В. Лյурсениуса (1735 г.); Гиммеля (1750 г.); на панорамах к планам города 1760-х и 1784 годов; на акварели А.И. Лосева «Вид губернскому городу Иркутску с северной стороны» (датируется Е. Добрыниной 1790–1792 гг.).

Все эти изображения хорошо передают общий характер застройки города того периода – довольно тесной и скученной, в основном одноэтажной деревянной с возвышающимися вертикалями каменных и деревянных церквей и рубленным острогом с крепостными башнями – средоточием государственной власти. Но какими же были дома, условно обозначенные на этих изображениях? Каково было устройство усадеб и улиц да и самого города? Обратимся к свидетельствам очевидцев.

В 1714 г. Иркутск посетили китайские посланники, которые оставили краткое описание города: «В нем находится жителей более 800 семей, и живут они в деревянных дворах, из целых бревен с вышками и чердаками сделанных, однако больше русских, нежели мунгал. Молитвенных храмов... имеется тут пять, также находятся в городе и тор-

Вид города Иркутска. Гравюра А.Г. Рудакова 1770 г. по рисунку И.В. Лյурсениуса 1735 г. Фрагмент

говые лавки с разными товарами». Китайцы отметили, что «оконцы» в домах были сделаны из «слоеватого» камня, который разделялся по слоям на тоненькие листочки, т. е. из слюды.

Со временем город значительно разросся. В 1726 г. его внешняя юго-восточная граница была обнесена деревянным оборонительным укреплением – палисадом. Палисад тянулся вдоль современной улицы К. Маркса от Ангары до Иды. За палисадом был выкопан ров.

В 1720-х гг. англичанин Джон Белл Антермонский, находившийся на русской службе и являвшийся членом посольства под руководством капитана лейб-гвардии Л.В. Измайлова в Китай, прибыл в Иркутск и записал: «Город Иркутск укреплен рвом и крепким палисадом с башнями на определенном расстоянии...»

По описанию Герарда Миллера, относящемуся к 1730-м годам, Иркутск состоял из «малого города» и «большого города». «Малый город» являлся собой острог, в котором находились казенные здания, в частности Приказная изба – первая каменная постройка в городе. Это двухэтажное здание было встроено в бревенчатую стену острога московским мастером М.И. Долгих в 1701–1704 гг., позднее поставившим и Спасскую церковь (1706–1713 гг.). К канцелярии была пристроена деревянная Судебная палата, под которой находился амбар, где хранилась казна. В стенах острога также располагались кладовые амбары, сушильня, пороховой погреб, гауптвахта, старая контора, «а под нею три амбара». За стенами острога был «большой город», или посад. Недалеко от острога располагались Богоявленский собор, построенный в 1718–1746 гг., а также четыре приходские церкви, городская ратуша, гостиный двор, мясной и мелочной ряды, таможня, винный подвал, полковая казачья изба, полицейстерская контора, тюрьма, пороховой амбар, каменная пивоварня, десять винных кабаков, торговая баня, три соляных амбара и 939 обывательских деревянных домов. «Большой город» был

огорожен деревянным палисадом «мерю по 1 277 сажень», о котором уже говорилось. За палисадом на взгорье находились Крестовоздвиженская церковь и хлебные амбары, а на Иде, стояли «3 хлебных мельницы да толчея».

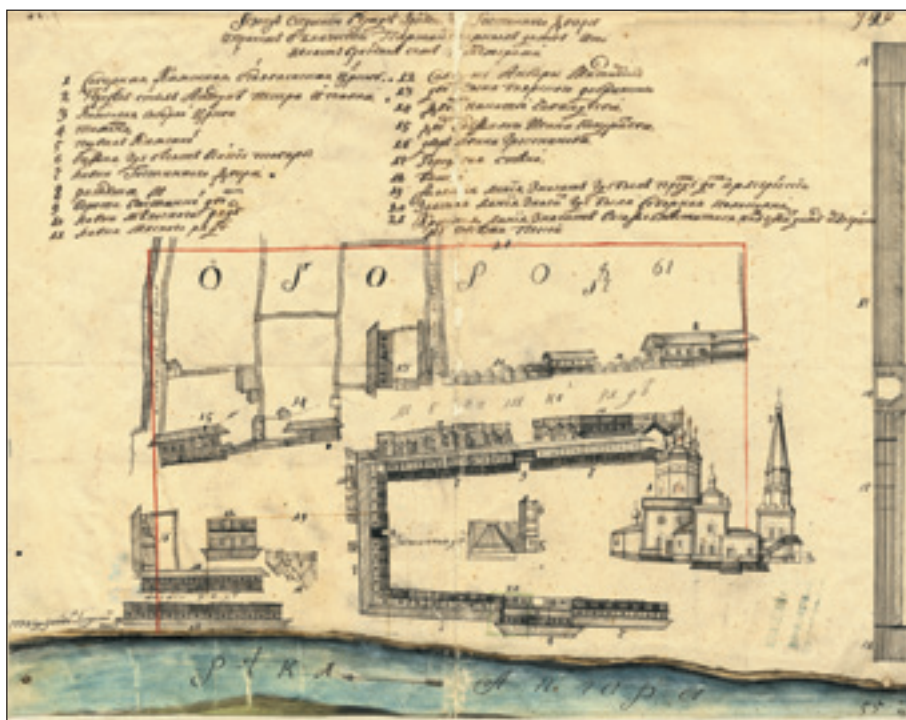
Палисад не сыграл свою роль как укрепительное сооружение, но, являясь на какой-то период некой искусственной преградой, в значительной степени повлиял на планировку города, а также задавал трассировку будущей центральной улицы, которая в разное время носила названия – Перспективы, Перспективной, Большой, К. Маркса.

На протяжении XVIII века Иркутск часто подвергался пожарам, а в 1775 г. огненная стихия уничтожила всю его центральную часть. Это обстоятельство послужило поводом для частичной перепланировки.

В дошедших до нас отзывах о внешнем облике города он характеризуется как крупный торговый центр Сибири. Ученый Иоганн Зиверс, живший в 1790 г. довольно долго в Иркутске, описывал его достаточно восторженно: «Иркутск после Тобольска – самый большой и важный город Сибири. В нем сейчас много красивых зданий, среди которых особо выделяется большой, состоящий из двух отделений, каменный гостиный двор. Город насчитывает 2 800 домов и до 20 000 жителей. Изрядной длины улицы упорядочены. Особенно величествен вид, создаваемый при свете солнца двенадцатью каменными церквями... Семинарий для юношества, склонных посвятить себя духовному званию, народная школа, небольшая библиотека и собрание редкостей натуральной истории и театр – все это здесь создано для образования юношества...» Думается, что И. Зиверс все-таки приукрашивал увиденное и в целом же Иркутск был неблагоустроенным, несмотря на некоторые попытки администраторов сделать его лучше. Кривые, чаще всего узкие и грязные улицы, скученная застройка не выделяли его из числа других городов Сибири, которые по благоустройству мало чем от него отличались. Деревянный город скорее производил впечатление большой деревни с редкими вкраплениями каменных зданий, большинство из которых были храмами.

Наглядное представление о городских постройках первой половины XVIII века дает рисунок протоиерея Никона Красовского, сделанный в 1738 г. в связи с предстоящей постройкой Архиерейского дома. На рисунке изображен фрагмент города в районе собора Богоявления, на котором предполагалось строительство. Помимо всего прочего по этому рисунку можно судить о планировке нескольких жилых усадеб и внешнем облике отдельных зданий. Четко видны жилые дома «на связи» (две клетки, объединенные общими сенями), двухэтажные амбары с галереями, бани, заплоты, ворота. В усадьбах выделены чистые дворы, выходящие на улицу, и огорды в глубине участков.

На первых порах иркутские дома еще не имели специфических городских черт и ничем не от-

«Реестр строений в ограде Иркутского гостиного двора и при нем партикулярных домов... 1738». Н. Красовский. РГАДА

Вид Иркутска. На первом плане дом и двор усадьбы Пономарева на углу Большой и Грамматинской улиц. Снимок с Благовещенской церкви. 1866 г. Фото А. Гофмана. НБ ИГУ

личались от крестьянских, и это было закономерно, поскольку образ жизни горожан того времени и способы ведения хозяйства в целом соответствовали крестьянским. Наиболее распространенными жилыми постройками были небольшие, рубленные из крупных бревен избы-клети, пятистенки и избы «на связи», перекрытые массивными самцовыми крышами. Аналогичные постройки, рациональные и удобные, можно и сейчас встретить в старых селах области.

Край заселялся преимущественно переселенцами из северных областей России, которые перенесли на новые земли традиционные для своих мест строительные и конструктивные приемы.

Вид домов в Западной Сибири. Рис. Д. Фроста

«Горбатый дом» в Иркутске по ул. Пятой Армии. Сломан в 1961 г.

Но приезжали сюда и не только северяне. Как отмечал ученый-натуралист, участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга Г.В. Стеллер, некоторое время проживавший в Иркутске в 1745 году, «...в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные, или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России – с целью обогатиться сравнительно со своим прежним состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем... Промышленные являются выходцами из всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архан-

гельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками и гулящими, но здесь они безосновательно получили название «промышленные». Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходил компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи».

Сохранилось описание типичного жилища средней мещанской семьи – опись имущества иркутского мещанина Абрама Баснина, составленная в 1761 г. «Хоромное строение» представляло собой следующее: «Изба, перед избой холодная горница, между ними – сени. В избе четыре, в горнице три окошка колодных с оконницами слюдяными ветхими, обиты железом. В них ставни и двери на крюках железных. В избе печь кирпичная... под избой подполье». Как следует из описания, это был дом «на связи», или дом-связь.

К концу XVIII века жилые дома Иркутска приобретают иной облик, уже отличающийся от сельского. Связано это не только с постепенным вытеснением сельского образа жизни, но и с появлением новых строительных материалов и новых технологий в обработке леса. Так, во второй половине XVIII века вошли в употребление листовое стекло и листовое железо, появились механические пилы для распиловки бревен.

Примерно ко второй половине XVIII века формируется тип городского жилого дома, предназначенного для проживания одной семьи. Уместно привести уже ставшее хрестоматийным описание иркутских домов, сделанное писательницей-иркутянкой Е. Авдеевой-Полевой в 1837 г.: «Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот; большие ворота были заперты засовом и отпирались только для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка... Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там подклет, и кладовая, по-тамошнему, подвал. Если дом был в одно жилье, то низ занимало подполье, род сухого погреба, и подвал. Крыльцо делали высокое, внизу обнесенное решеткою, с дверцами; на крыльце были устроены лавочки; сени большие тоже со скамейками кругом стен и с двумя окнами. Летом в сенях обедали и ужинали. Посреди сеней была дверь в чулан, а позади чулана ход наверх. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердаком; они были по большей части холодные. Горницы разделялись сенями на две половины; их обыкновенно называли задняя и передняя; передняя на улицу, а задняя во двор. Из сеней входили прямо в горницу; там на правой стороне изразчатая печь с вычурами... Комната обыкновенно разделялась надвое... Если не было кухни внизу, то она была выстроена во дворе, и тогда называли ее зимовьем... мало было там домов, обитых тесом, и ни одного выкрашенного дома».

До 1961 г. на улице 5-й Армии, 49 стоял так называемый Горбатый дом, известный также как «дом Котельниковой», выстроенный во второй половине XVIII века. Свое название «горбатый» он

получил благодаря очень высокой четырехскатной крыше.

Похожие постройки описывала Е. Авдеева-Полевая. Этот дом был последним представителем того периода, ценность его прекрасно осознавалась, но он был разобран по распоряжению властей. С его исчезновением город лишился не только древнейшей постройки, но и важного звена в типологической цепочке. Этот тип дома еще нельзя назвать чисто иркутским, как свидетельствуют документы, подобные постройки встречались и в других сибирских городах. Но он интересен тем, что получил дальнейшее развитие и на его базе сформировались специфические приемы, характерные для местного деревянного домостроения.

Исследователь архитектуры сибирских городов Б. Оглы так оценивал иркутские дома того периода: «Внешний характер домов, как и всей усадьбы, носил черты суровости и замкнутости, представляя неприступные фасады с крутыми кровлями, небольшими, высоко расположенными окнами и массивными колодами и ставнями без каких-либо украшений. Лишь в некоторых случаях наличники и подкарнизные доски профилировались и обрабатывались скромной порезкой».

Вероятно, в этот же период появился дом, расположенный ныне по улице Лапина, 23, – «Дом Шубиных» (сейчас это самый старый из всех существующих деревянных домов в Иркутске). Позже он был перестроен, но основной объем сохранил архаичные приемы.

Несмотря на то что первые кирпичные постройки появились в городе достаточно рано – в 1706 г. была возведена кирпичная Спасская церковь, массового распространения этот строительный материал до третьей четверти XIX века не получил. В 1730-х годах здесь насчитывалось всего 5 каменных строений: 2 церкви, Приказная изба, пороховой погреб и пивоварня. К концу XVIII века в Иркутске было около 30 каменных построек. Из кирпича возводились храмы взамен обветшалых деревянных, особо важные гражданские и общественные сооружения, гостиные дворы и торговые лавки, а также жилые дома богатых купцов.

В XVIII веке статус Иркутска постепенно повышался: в 1731 г. он становится центром провинции, в 1763-м – получает статус губернского города, в 1783-м – становится центром наместничества. По мере превращения города в торговый и административный центр он быстро рос, и уже в первой половине XVIII века городские постройки вышли за линию палисада. Восточнее палисада была разбита солдатская слобода, память о которой закрепилась в названии шести Солдатских улиц (ныне улицы Красноармейская, Лапина, Грязнова, Богдана Хмельницкого, Киевская, Литвинова).

Конец XVIII века отмечен ростом Знаменской слободы на север – вдоль берега Ангары, и на юго-восток – вдоль Иды у подножия Знаменской горы. В 1780–1790-х гг. на берегу Иды за речкой Сарафанкой, юго-восточнее Знаменского предместья были построены смирительный и Рабочий дома, давшие начало Рабочедомскому (позже Рабочему) предместью.

Изначально город развивался безо всякого плана, но говорить о том, что застройка была абсолютно хаотичной и бессистемной, нельзя. Как и у любого поселения, у Иркутска была своя логика развития, заданная конкретными условиями места, рельефом. Однако при этом все совре-

Фасад деревянного дома купца А. Кудрина по Дегтевской улице в Иркутске. ГАИО

менники единодушно отмечали необычайную скученность построек, беспорядочность и кризису улиц.

Во второй половине XVIII века проявляются первые попытки государственного урегулирования застройки: составляются планы города с предложениями частичной перепланировки и регулирования красных линий улиц, устанавливаются противопожарные разрывы между зданиями, разрабатываются первые альбомы образцовых проектов. Однако каких-либо заметных изменений в этом направлении до начала следующего столетия не происходило.

В 1792 г. Иркутск получает первый проектный Высочайше утвержденный (конфирмованный) градостроительный план, в котором был реализован актуальный тогда принцип регулярности (геометрической правильности). Согласно этому плану, для дальнейшего роста города была обозначена территория между рекой Идой и склоном Петрушиной горы, ограниченная в районе современной улицы Плеханова. На вновь осваиваемых землях предлагалась регулярная планировка с разбивкой на правильные прямоугольные кварталы, в старой заселенной части – упорядочение существовавшей застройки, корректировка красных линий, вынос производства ниже по течению Ангары в Знаменском предместье и пр. Таким образом, план сохранил первоначальную планировку, созданную в ходе естественной эволюции, и привнес новую регулярную. На градостроительных планах хорошо считываются оба планировочных приема с отчетливой границей между ними по нынешней улице К. Маркса.

Помимо общих градостроительных проблем в этом документе решались вопросы строительства домов по образцовым фасадам, устанавливались габариты построек, противопожарные разрывы между ними и пр. Так, надлежало «проектируемые каменные дома строить против прочих вновь строящихся городов по представленным при сем примерным фасадам под № 1, 2 и 3... деревянные жилые дома строить по фасадам под № 3, 4, 5 на каменных фундаментах и без каменных фундаментов, кто какие пожелает, но чтоб каждое одно от другого не ближе было пяти сажен, не выше 6 аршин, и не больше каждый деревянный корпус строить двенадцати сажен, а в два жилья строить не допускать...». Воплощение этого плана происходило уже в следующем веке.

ОБЛИК ИРКУТСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Начало XIX века Иркутск встретил в далеко неприглядном виде. Иркутский военный губернатор Б.Б. Лещцано писал в 1802 г.: «В Иркутске улицы, особливо вторая по главной, называемая перспективою, до приезда моего, столько были грязны, что во многих местах скопившиеся воды, смешиваясь с навозом, не только через все почти лето до заморозков препятствовали переезжать на лошадях, но и пешие могли проходить с нуждою, загнившая вода с грязью производила вонючий и вредный для человеческого здоровья запах».

Заметных улучшений, несмотря на имеющийся Высочайше утвержденный проектный план и регламентационные меры, не было. И тем не менее именно рубеж XVIII и XIX столетий в Иркутске можно считать началом государственного регулирования в строительстве, произошло это на несколько десятилетий позже, чем в городах центральной России, и почти на столетие позже, чем в столице.

В 20–30-х годах XIX века в Иркутске проводятся небывалые по масштабу работы по благоустройству центральной части города. Эта деятельность связана с именами иркутского гражданского губернатора Николая Ивановича Трескина (1806–1819 гг.) и городничего Александра Николаевича Муравьева (1828–1831 гг.).

По характеристике современников, новый иркутский гражданский губернатор обладал «большими способностями и рассудком», и, по свидетельствам очевидцев, ума и деятельности его хватило бы на «десять губерний». По прибытии в 1806 г. на новое место службы Трескин принялся за благоустройство губернского города, который, по мнению губернатора, «известный по знатной торговле», имел (по характеристике самого Трескина) первобытное состояние. Лучшие улицы и даже площади города были стеснены ветхими, выступающими на проезжую часть строениями, которые кроме «чрезвычайного безобразия» угрожали опасностью при малейшем пожаре.

Губернатор предпринял энергичные меры для придания Иркутску столичного вида. По его распоряжению были подняты и высушены площади, а на улицах – как главных, так и второсте-

пенных – проложены гати. Чтобы придать городу «благоприличную наружность», необходимо было также выпрямить «кривизны и косины» улиц. Как отмечал один иркутянин, «темною ночью и не думайте куда-нибудь идти: как раз стукнетесь лбом о забор или о стену там, где вовсе не ожидаете. Да и днем, не только приезжий, даже и местный житель мог заблудиться. Едете, вы, кажется, по улице, отыскиваете какой-нибудь дом, знаете, что дом находится в этом месте. Вдруг наезжаете на забор или на ворота. Вправо, влево – тоже заборы. Вы ворочаетесь назад, огибаете улицу – опять та же история. Такие глухие места назывались култуками; таких култуков было пропасть. Дома строились безобразно, без всякого порядка».

Однако Н.И. Трескин понимал, что осуществление таких мер затронет интересы многих горожан и будет воспринято ими, по его же словам, как «некоторое отягощение». Учитывая это, он попытался ограничить существовавший беспорядок тем, что поручил полиции строго наблюдать, «дабы не в плане стоящие ветхие строения не позволять починять». Однако надежды губернатора на то, что эта мера даст каждому время или построиться вновь по плану, или (кто был не в состоянии) продать «строение и место» другому, не оправдались. Четырехлетний опыт увещеваний доказал, по словам губернатора, «совершенную unsuccessfulность» этой меры: многие из обывателей – как бедные, так и те, кто был в состоянии возвести новое строение, – всяческими мерами поддерживали разваливавшиеся дома. По мнению Трескина, они не желали отстраиваться вновь из-за того, что при постройке дома по плану необходимо будет «уступить в улицу» некоторую часть земли, а это сократит усадьбную площадь. Последовало обращение к жителям о самостоятельном переносе построек, выходящих за красную линию улиц. И только после неоднократного предупреждения, убедившись в том, что жители добровольно не хотят урезать свои участки для выравнивания улиц, губернатор принял суровые меры. С 1810 г. дома, стоящие не по Высочайше подтвержденному плану города 1792 г., стали сносить. Согласия домовладельцев при этом уже никто не спрашивал, так как предшествующие предупреждения не возымели необходимого действия. В период с 1810 по 1812 г. было снесено 35 таких домов. В случае если только часть дома стояла не по плану и выходила в улицу, ее отпиливали «сколько нужно по линии улицы». Если хозяину нечем было поправить такой дом,

Левая часть панорамы с плана Иркутска 1784 г. Геттингенская библиотека Нижнесаксонского университета, отдел рукописей, коллекция барона Аша, № 267

то он ютился с семьей в остальной части, а полураспиленные комнаты стояли напоказ иногда целые годы.

Приводились в порядок не только жилые, но и питейные дома, многие из которых находились посреди улиц и были так ветхи и безобразны, что угрожали скорым падением. Их содержатели «принуждены были» стоящие не по плану дома перенести в другие места, а старые, стоящие в «приличных местах, исправить починкою». Все эти меры были применены к деревянной застройке.

Изменения коснулись и казенных зданий, имевших «безобразнейший вид». Присутственные места размещались в ветхих и давно запущенных домах. Поэтому одним из первых мероприятий иркутского губернатора стало предоставление присутственным местам приличных и удобных помещений. Несколько позже Трескин занялся новыми, «необходимыми к украшению города», служебными постройками. Вместо стоявших внутри города между обывательскими домами ветхих провиантских магазинов были отстроены «на удобнейшем и безопаснейшем месте» за чертой города в районе улицы Провиантской новые воинские провиантские магазины.

Как продолжение деятельности Трескина по благоустройству города в период губернаторства Б.И. Цейдлера можно рассматривать роль в этом деле А.Н. Муравьева, героя войны 1812 г., полковника, пострадавшего по делу декабристов, попавшего в Сибирь и в 1828 г. ставшего иркутским городничим. По проекту А.Н. Муравьева и под его руководством осуществлялись постройка тротуаров и мощение улиц. Как отмечает Е.Н. Туманик, проведя картографическую съемку, городничий начертал план города и его окрестностей. План вместе с описанием был преподнесен генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому. Вероятно, речь идет о плане 1829 г. Деятельность городничего по преобразованию городского хозяйства придала Иркутску черты столичного губернского центра. Небезосновательно предполагать, что и внешнему облику Иркутска А.Н. Муравьев уделял немало внимания.

Одним из факторов, существенно повлиявших на все дальнейшее развитие застройки, было использование образцовых фасадов. В 1809 г. был издан правительственный указ «О строении частных домов в городах по вновь Высочайше утвержденным фасадам». В начале 1810 г. в Иркутск поступил «от господина Министра внутренних дел в двух книгах экземпляр Высочайше ут-

Вид на Большую улицу Иркутска. 1876–1879 гг. Фото А. Гофмана. МИГИ

верженных фасадов частных домов по городам Российской империи». 14 марта эти образцовые фасады были препровождены в городскую думу для обязательного исполнения указа. После этого 1 июля 1810 г. последовало распоряжение из губернского правительства, в котором, в частности, говорилось: «...дабы ни под каким видом не было дозволяемо производить строения не по плану городскому, а буде где оныя после утвержденных планов дозволены и существуют, таковых перенесение на места исполнить на счет позволивших – то вследствие сего Губернское правительство предваряет теперь обывателей здешних, что начальство при всей строгости вышеприведенного Указа, единственно из уважения к недостаточному классу обывателей, имеющих собственные не в плане состоящие и совершенно ветхие и опасные дома – отлагает совершенное исполнение Указа онаго до истечения настоящего лета, в продолжении которого каждый из таковых хозяев должен или выстроиться вновь по плану города, либо ежели кто сего нежелает и не в состоянии, то продать место свое другому. А чтобы при продаже сей не было излишнего стеснения от покупателей, то продаватели и покупатели могут приглашать в посредничество между ими городничего и градского главу, коих обязанностью будет соглашать обе стороны на цене, для каждой безобидной – и соглашения сии записывать формально в полиции в предупреждение всяких на будущее время жалоб». Последовательная деятельность губернских властей по превращению в жизнь внедрения образцовых фасадов продолжилась на следующий год, когда выш-

Правая часть панорамы с плана Иркутска 1784 г. Геттингенская библиотека Нижнесаксонского университета, отдел рукописей, коллекция барона Аша, № 267

ло специальное предписание губернатора, адресованное городской думе, в котором указывалось: «Объявить через градскую полицию всем здешним градским жителям, что все, которые не начали еще постройки новых для себя домов, но намерены... обязаны строить дома свои не только по плану города, но и по Высочайше утвержденным фасадам для частных строений, выбирая из оных по произволу каждого... Как главную целью издания фасадов оных есть лучшее устройство и украшение городов: то с сего времени иметь строгое наблюдение в губернском городе градской полиции и Архитектору...».

В Иркутске, как и в целом по стране, регламентация строительства и введение образцовых фасадов сыграли прогрессивную роль, поскольку в итоге способствовали улучшению качества городской застройки, ее упорядочению, повышению художественного уровня архитектуры.

Выстроенные по образцовым проектам деревянные дома были своеобразным синтезом профессиональной архитектуры и народных приемов. При возведении построек регламентировался только главный фасад, а строительный материал и собственно решение дома отдавались на усмотрение хозяев. Естественно, что при использовании образцовых фасадов устройство самих домов не менялось и они рубились в соответствии с традициями. Таким образом, с одной стороны, намерения частного застройщика подчинялись градостроительной дисциплине и общей стилиевой направленности, а с другой – ему предоставлялась относительная свобода. Это отнюдь не означало легкости и абсолютной естественности наложения образцовых схем на традиционный деревянный дом. На деле внедрение образцовых фасадов шло далеко не гладко, имелись определенные противоречия и несовпадения, в частности по привычным габаритам, высоте, оптимальным для Сибири размерам оконных проемов. Кроме того, сложившиеся в строительстве традиции были довольно устойчивыми и горожане на первых порах активно противились вводимым новшествам. Но постепенно застройка подчинилась закономерностям новой архитектуры.

В этот период появились новые типы деревянных зданий, таких, например, как жилые дома с торговыми лавками, дома с мезонином, с центральным колонным портиком, с антресолями и т. п. И если тип дома с мезонином прижился на иркутской земле, дал некоторые разновидности

и воспроизводился в более позднее время, то домов с центральным портиком, распространенных в других местах, было не так много и впоследствии они не повторялись. Тип дома с антресолями получил со временем наибольшее распространение. Нужно отметить, что типы домов с мезонинами и антресолями получили распространение в тот период, когда существовал запрет на строительство деревянных домов в два этажа (в Иркутске запрет был снят только в 1864 г.). В архитектурных руководствах того периода рекомендовали делать мезонины и антресоли «для большей поместительности».

Применение в строительстве «образцовых» фасадов, разработанных ведущими столичными архитекторами, привнесло в частное домостроение Иркутска новые черты, и прежде всего четкую стилистическую направленность на классицизм. Еще одной важной особенностью была общая ориентированность на каменные формы, поскольку «образцы» предлагали единое решение и для каменных, и для деревянных построек. В соответствии с проектными образцами фасады деревянных зданий получили обязательную симметрию, трехчастное построение по высоте подобно ордерному, а также обшивку гладкими досками, имитировавшую штукатурку каменной поверхности, иногда и деревянные стены штукатурились. Все эти приемы, привнесенные регламентацией, после длительного использования ассимилировались и постепенно, в свою очередь, стали традиционными. Например, почти обязательным стало завершение дома неполным антаблементом с подшивным дощатым фризом, широко было распространено использование таких классицистических элементов, как ризалиты, триглифы, лопатки, на лопатках часто делали вертикальные желобки, имитирующие каннелюры.

Канонические правила эпохи были довольно жесткими и конкретными: предписывалось делать нечетное количество (3, 5, 7 и т. д.) окон по главному фасаду, оговаривалась и определенная окраска зданий. Так, в именном указе Александра I от 13 декабря 1817 г. говорилось: «Вообще дозволяется красить дома нижеследующими только цветами: белым палевым, бледно-желтым, светло-серым, диким (серый), бледно-розовым, сибиркою (светло-зеленый) с большою примесью белой краски и желто-серым». По свидетельству немецкого ученого Г.-А. Эрмана, совершившего кругосветное путешествие, в тече-

«Губернский город Иркутск в 1782 г. С натуры снимал губернский землемер городской секретарь Антон Лосев». ИРЛИ

Дом по ул. Лапина, 23

ние которого он побывал в Сибири, в частности в Иркутске в 1829 г., все дома по Большой улице были обшиты и окрашены в желтый и серый цвета. Ему созвучно описание Иркутска этого же времени, данное первым енисейским гражданским губернатором А.П. Степановым: «Деревянные дома на главных улицах все

обиты тесом, снабжены архитектурными украшениями и раскрашены». Заметим, что в предшествующие периоды деревянные здания не окрашивали. В данном случае окраска фасадов – это один из приемов архитектуры классицизма, направленных на изначально заданную неотличимость каменных и деревянных форм.

Наиболее яркие памятники Иркутска, выполненные по образцовым фасадам, – жилые дома по улицам Борцов Революции, 6 и Тимирязева, 45. Сохранились также и более скромные постройки небогатых горожан, такие как на улицах Кожова, 11, Киевской, 38, Лапина, 14, Седова, 22, Богдана Хмельницкого, 28 и др.

В результате всех градостроительных и регламентационных мер первой половины XIX столетия Иркутск значительно изменил свой внешний облик и стал больше соответствовать статусу столицы губернии. Однако при всей строгости регламентационных мероприятий на второстепенных улицах и окраинах города иркутяне продолжали строить дома не по «образцам», а в соответствии со старыми традициями.

Как уже упоминалось, жилых домов этого периода сохранились очень мало из-за огромного пожара 1879 г., и общее представление об облике города этого периода можно получить в основном по описаниям путешественников, ученых и т. д. Вот, например, как выглядел город в середине 1840-х гг.: «Постройки в нем были почти исключительно деревянные; большая часть домов были двухэтажные, в три окна и с превысокими крышами. Почти вся Большая улица была застроена такими домами. Лучше других мест были застроены: Ивановская площадь и часть ангарской набережной, между генерал-губернаторским домом и Харлампиевской улицей. Город доходил только до Иерусалимской горы, но и тут местность, ближайшая к Ушаковке, была еще мало заселена; Успенская церковь только еще строилась, а о семинарии еще не было и помину...». Обратим внимание на указание, что дома в Иркутске были двухэтажные, однако необходимо помнить, что тогда существовал закон, запрещавший возводить двухэтажные жилые дома. Разрешение на их строительство последовало только в 1864 г. Это событие нашло свое отражение и в летописи. «В этот год [1864] разрешено в Иркутске строить деревянные двухэтажные дома на каменном фундаменте, а до этого времени деревянные 2-х этажные дома были запрещены, а потому было в обычае строить дома с подвальными этажами, так называемыми подклетами». По всей вероятности, автор приведенного выше текста говорил именно о домах на подклетах. Это же подтверждает и фотография 1860-х гг., сделанная с колокольни Благовещенской церкви, на

которой зафиксирована застройка улицы Большой.

Согласно «Иркутской летописи» Н.С. Романова, в 1857 г. «многие из домов города отличаются изяществом архитектуры, но Большая улица по сравнению с другими не богата красивыми домами. Из последних можно отметить дома двух Белоголовых, Персина, Беттихера, Перетолчина и строящийся Котельниковых. На прочих улицах и площадях красивые дома: Пежемского, Титова, Кокорина, Волконского, Мыльниковца, Пуляева, Осипова, Травулинского и пр. В течение 1857 года построено в городе вновь более 20 деревянных домов и столько же домов перестроено. Тип старинной постройки небольших домиков с мезонинами, антресолями и высокими пирамидальными крышами начинает заменяться новым типом с более пологими крышами, без мезонинов...». Действительно, мезонины с середины XIX века делали очень редко, а что касается антресольей, то и после отмены запрета на возведение двухэтажных деревянных жилых домов в 1864 г. антресоли продолжали возводить до самого начала XX столетия, причем и в одноэтажных, и в двухэтажных домах. Долгие годы привычно воспроизводили и подклеты.

В результате всего опыта предшествующего развития, ограничительных и регламентационных мер, совершенствования строительных технологий, использования отдельных композиционных приемов и элементов образцовых фасадов, учета климатических особенностей и жизненного уклада иркутян сложился характерный тип именно **иркутского деревянного городского жилого дома**, предназначенного для проживания одной семьи. Основные признаки таких домов: компактный Г-образный план, наличие бокового двухъярусного прируба с сенями в первом уровне, во втором – со светелкой и балконом, позже трансформированных в остекленную веранду, обширное крыльцо с навесом на выкружках. Зачастую в дворовой части дома над хозяйственными помещениями устраивались антресоли. Общие габариты, состав помещений, наличие подклета и антресольей, решение крылец, декоративное оформление фасадов и многое другое определялись финансовыми возможностями и вкусовыми предпочтениями владельцев, но сам тип дома оставался чрезвычайно устойчивым, воспроизводился почти столетие и дал множество выразительных модификаций.

Судя по градостроительным планам, в 1860–1870-х гг. осваивается нагорная часть Иерусалимской горы – заселяются первые три Иерусалимские улицы (позже Советские). Планировочная структура – регулярная, с крупной квартальной разбивкой. Общий характер самой застройки существенно не меняется, по-прежнему в основном сохраняется традиционная планировка усадеб. Но постепенно происходит процесс уплотнения за счет появления дополнительных объемов, сокращения территорий, занимаемых огородами, строительства во дворах торговых заведений и пр., т. е. закладываются тенденции, в полной мере проявившиеся в обновлении застройки после пожара 1879 г.

Середина XIX века – важный этап в развитии архитектуры. Это время затухания классицизма, отмены строительства по образцовым фасадам (указ 1858 г.) и появления в профессиональной архитектуре новых архитектурных тенденций.

ИРКУТСК В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Естественное эволюционное развитие городской застройки было прервано грандиозным пожаром 22 и 24 июня 1879 г. За два дня выгорела большая и лучшая часть столицы Восточной Сибири, погибли постройки последней четверти XVIII – первой половины XIX столетия. Были уничтожены 75 кварталов, в которых находилось 918 дворов с 105 каменными и 3 418 деревянными постройками. Граница пожара прошла по улице Кутайсовской (ныне ул. Дзержинского), доходя с одной стороны до Шелашниковской (ул. Октябрьской Революции), с другой пересекая наискось кварталы в районе 1-й и 2-й Солдатских (ул. Красноармейская и Лапина), достигнув Троицкой (ул. 5-й Армии), вплоть до Дегтевской улицы (ул. Российская), и от нее – по всему берегу Ангары до впадения в нее Ушаковки.

В центральной части Иркутска, которую мы сейчас именуем «исторической», сохранились от огня Богоявленский собор, консистория, домовая церковь и духовное училище, находившиеся в одной каменной огаде. Уцелели Спасская церковь, часовня Св. Иннокентия на Тихвинской улице (ул. Сухэ-Батора, на месте здания «Иркутскэнерго»). Троицкая церковь сохранилась благодаря окружающей ее сосновой роще. За пределами линии пожара в городе, без предместий, осталось 34 каменных и 2 085 деревянных домов, из них больших – 261, 709 средних и 1 115 малых. Приведенные цифры выгоревших строений показывают грандиозный масштаб бедствия.

Послепожарное восстановление идет довольно быстро и на качественно новом уровне. Помимо обновления самих построек, заметного увеличения доли каменного строительства, уплотнения застройки произошла частичная кор-

ректировка красных линий, были ликвидированы тупики, пробиты дополнительные проезды и т. п. Строительство не сдерживается жесткими нормами образцовых фасадов, а подчиняется требованиям Строительного устава. Не сразу, но благодаря административным мерам (Обязательное постановления городской думы от 11 апреля 1883 г. о запрете возведения по красным линиям центральных улиц деревянных домов) деревянные дома начали вытесняться с основных центральных улиц и заменяться каменными. Но это коснулось только пяти центральных улиц: Большой (К. Маркса), Амурской (Ленина), Ивановской (Пролетарская), Тихвинской (Сухэ-Батора) и Пестеревской (Урицкого). На всех остальных улицах, особенно на окраинах, где население не отличалось большим материальным достатком, дерево осталось основным строительным материалом.

Пожар повлиял на перераспределение земли в центральной части города от менее имущих слоев к богатым. Этот процесс продолжался на протяжении последних десятилетий XIX века и первых – XX и в итоге существенно изменил облик городского центра.

В послепожарный период активно развивается кортом, что приводит к строительству зданий, специально предназначенных для сдачи внаем. На главных улицах города строятся двух-трехэтажные каменные доходные дома, первые этажи которых, как правило, используются под торговлю, верхние сдаются под различные учреждения и жилье. Предельную плотность приобретает застройка улиц Большой (К. Маркса) и Пестеревской (Урицкого) – здания блокируются друг с другом без разрывов и полностью занимают весь фронт улицы, дворы также плотно обстраиваются по периметру.

По другим законам здесь же, в центре, формируется жилая деревянная застройка. Наряду с традиционными усадьбами и небольшими жилищными домами, сохраняющими объемно-композици-

Вид Иркутска. Снимок с Благовещенской церкви. 1866 г. Фото А. Гофмана. НБ ИГУ

Вид Большой улицы в Иркутске. Снимок с Благовещенской церкви. 1866 г. Фото А. Гофмана. НБ ИГУ

онные приемы предшествующего периода, активно развивается новая форма – доходное домостроение. Естественно, тенденции его появления были заложены еще в предшествующий период, но в полной мере проявились лишь после пожара. Общий характер деревянной застройки по-прежнему остается дискретным, но в доходной усадьбе меняются и планировка, и типы построек – пространство, ранее занимаемое огородами, хозяйственными надворными строениями, застраивается жилыми домами, сдаваемыми внаем. Дворовая территория приобретает ценность именно как место для дополнительного строительства. Усадебная планировка регулируется нормами Строительного устава и противопожарными требованиями. В целях противопожарной безопасности между зданиями устанавливаются определенные разрывы в 4 или 2 сажени, возводятся каменные брандмауэры.

Первые деревянные доходные дома повторяли уже сложившиеся объемно-планировочные решения. Для съемных квартир приспособляли привычные Г-образные дома с боковым прирубом сеней, т. е. дома, по происхождению рассчитанные на одну семью. Естественно, что объемно-планировочное решение, предназначенное для одного использования, не совсем подходит для другого. Поэтому традиционный тип дома получил дальнейшее развитие: сначала заметно увеличились общие габариты, появились развитые жилые прирубы со стороны двора. Со временем традиционный боковой прируб сеней трансформировался в лестничный и поменял свое расположение, встав в одну линию с главным фасадом, так, чтобы входы были устроены непосредственно с улицы. Постепенно, во второй половине XIX века сложился самостоятельный тип небольшого двух-четырёх квартирного жилого дома, доступного для рядового квартиросъемщика. Именно такие небольшие доходные дома и составляли основную массу городской застройки. Достоинствами этих небольших домов, сочетающих признаки особняка и многоквартирного жилья, были их комфортность и удобство: небольшая высота дома, ограниченное количество квартир и, соответственно, соседей, отдельные входы, наличие небольших общих дворов, в которых устанавливали беседки и разбивали небольшие садики.

В зависимости от величины дома, а соответственно и количества квартир, делали один или два лестничных прируба с отдельными входами. Имелись дома и коридорного типа с одним общим входом, но, естественно, в таком случае уровень комфортности был ниже. В конце XIX – начале XX века существовало довольно много разновидностей небольших доходных домов, хотя построены они были на вариациях небольшого количества планировочных приемов.

Как правило, доходные дома богато декорировались. Пишность и обилие декора как бы подчеркивали высокий социальный статус жилья. Специальных архитектурных форм украшения именно доходных деревянных домов не существовало. При их оформлении использовали уже сложившиеся приемы и формы. Но в композиционном устройстве существовали характерные черты: равномерный «ковровый» декор, мерный ритм одинаковых окон, активное выявление входов на фасаде.

Помимо жилых в этот же период строятся и казенные деревянные дома: школы, училища, больницы, военные казармы и т. п. Такие постройки, как правило, выполнялись по проектам дипломированных архитекторов и имели определенную стилистическую направленность. В 1880-х годах казенные постройки возводились преимущественно в неорусском стиле, чуть позже – в стиле модерн. Например, по проекту архитектора Г.В. Розена в неорусском стиле в виде древнерусского терема, увенчанного шатрами, в 1882 г. было построено деревянное здание «Детский сад». Первоначально оно располагалось на Амурской (ныне Ленина) улице, а в 1930-х годах было перенесено на улицу Горького, 5. В 1886–1887 гг. появилось деревянное Ремесленно-слободское смешанное училище (ул. Баррикад, 81), также великолепный образец этого стиля. Перечень аналогичных строений могут продолжить комплекс построек Магнитно-метеорологической обсерватории (в квартале между улицами Байкальской – Партизанской – Трилиссера), больница ремесленно-воспитательного заведения им. Трапезникова (ул. Рабочего Штаба, 4).

Из казенных деревянных зданий, выполненных в стиле модерн, стоит упомянуть корпус железнодорожной больницы (ул. Профсоюзная, 87), в котором в единой стилистике выдержано и общее объемно-пространственное решение, и декор, больницу переселенческого пункта (ул. Боткина, 4).

Несмотря на то что на рубеже XIX – XX веков заметно увеличивается доля каменного строительства, дерево остается основным материалом при возведении жилых домов. И хотя очевидны отдельные преимущества каменных зданий, деревянные по-прежнему считаются более здоровыми и комфортными. Даже состоятельные люди предпочитали строить особняки из дерева. Богатейший человек, городской голова, меценат и просветитель, создатель частной галереи В.П. Сукачев в 1880-х гг. застраивает свою усадьбу в Кокуевской роще деревянными зданиями в русском стиле (усадьба Сукачева по ул. Декабрьских Событий, 112). Городской архитектор А.И. Кузнецов, имевший на Большой улице огромный каменный доходный дом, сам предпочитает жить в небольшом деревянном особняке, построенном по собственному проекту (ныне ул. 5-й Армии, 51). Роскошный деревянный особняк в стиле модерн выстроил для себя архитектор А.П. Артюшков (ул. Халтурина, 21). Состоя-

тельный купец В.К. Бревнов в 1907 г. также в стиле модерн строит себе особняк на Почтамтской улице (сейчас ул. С. Разина, 40), при этом, первый этаж делает каменным, но второй – жилой – деревянным. Знатный купец Д.М. Кузнец проживал в небольшом деревянном особнячке во дворе своего огромного доходного дома, который сдавал под Управление Забайкальской железной дороги (ул. Дзержинского, 36б).

Хотя и деревянные особняки, и казенные здания составляли лишь малую часть всей деревянной застройки города, но выстроенные по проектам профессиональных архитекторов и выдержанные в определенных архитектурных стилях, они имели на нее достаточно сильное влияние.

Большое количество новых специфических типов зданий, в том числе и деревянных, привнесло строительство Великого Сибирского железнодорожного пути. В Иркутске помимо каменных зданий вокзала, депо, водозаборных башен были построены типовые одноэтажные деревянные казармы, жилые бараки с хозяйственными постройками, служебные здания, спроектированные архитекторами ведомства МПС. Вообще следует отметить, что строительство железнодорожной магистрали оказало огромное влияние на развитие города и его застройки. Иркутск стал узловым пунктом. Сюда прибывали проездом, на постоянное или на временное поселение инженеры и рабочие, здесь находились управления строительства. Дорога послужила толчком для быстрого территориального роста Глазковского предместья Иркутска на левом берегу Ангары.

Как отмечалось на заседании городской думы в 1909 г., «...в течение 20 лет (имеется в виду период с конца 1880-х гг. – Авт.) население города почти удвоилось и город страшно разросся. Глазково громадно разрослось, образовалось новое Вознесенское предместье; заселение Иерусалимской горы дошло почти до Лисихи, увеличились и усложнились санитарные требования...». По данным, приведенным также на заседании думы в том же году, «...в Иркутске, согласно полицейским сведениям, жителей менее 100 тысяч (96)», а к 1 января 1910 г. здесь насчитывалось уже 113 288 жителей. Для сравнения: в 1897 г. в столице Восточной Сибири проживало 50,5 тысячи человек.

В связи с прибытием большого количества людей, обслуживающих дорогу, возросли потребности в гостиницах, меблированных комнатах, ресторанах, постоялых дворах. Такие заведения в большом количестве появились недалеко от вокзала на левом берегу и около переправы на правом. Много их было и в других районах города, в тех, куда стекался приезжий и торговый люд. Ярчайший пример – торговая зона городского значения в районе хлебного и мелочного базаров.

Вид города рубежа веков был довольно живописен – сочетание каменной и деревянной застройки, своеобразное смешение стилей, разнообразие видов и типов зданий, богатство деревянного декора, соединение крестьянской и профессиональной архитектуры. Все это придавало городу облик и столичности, и провинциальности одновременно.

Своеобразие архитектуры Иркутска неоднократно отмечалось современниками на всех этапах его развития. Оценки давались разные – иногда точные, иногда спорные. В этом плане очень любопытно высказывание Г.К. Лукомского, крупного знатока русской провинциальной

архитектуры. Имея перед собой несколько фотографий сибирских деревянных домов, он, восторгаясь их наличниками, писал в 1916 г.: «В Иркутске также можно отметить домик, детали которого очаровательны до такой степени, что положительно недоумеваешь, каким образом в отдаленной провинции могли вырасти такие прелестные растения из зерен, случайно попавших на эту почву».

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО

Особое место в деревянном зодчестве занимает декоративное оформление. Украшали деревянные постройки всегда. Эта традиция уходит корнями в глубину веков, исследователи связывают ее с языческими верованиями, в системе которых декор имел магико-символический смысл и играл роль оберегов. Конечно же, понимание языческого кода со временем ушло, но сами формы, передаваемые из поколения в поколение народными мастерами, оказались довольно устойчивыми. И даже в начале XX века воспроизводились архаичные солярные знаки, «хляби небесные», утицы и пр.

О том, как оформлялись дома первого столетия Иркутска, информации, к сожалению, не имеется. Судя по старым фотографиям, бревенчатые фасады домов, выстроенных в конце XVIII века, были лишены какой-либо проработки, только верх наличников украшался довольно скромной порезкой в виде орнаментальных полос в технике глухой резьбы.

Своеобразным символом деревянного зодчества Иркутска стали так называемые барочные наличники в виде двух встречных волют и центрального элемента (акротерия), выполненные в технике объемной резьбы. Но когда эти элементы появились в деревянной архитектуре Иркутска, сейчас сказать довольно сложно. Возможно, в самом конце XVIII, но вероятнее всего, в первой половине XIX столетия. Обычно их появление связывают с культовой архитектурой, а точнее с резьбой пышных барочных иконостасов. Нарядные праздничные формы барочных наличников применялись и в более позднее время. Мирно сосуществовали они и с убранством, выдержанным в стиле классицизма. Наглядный пример тому – здание по улице К. Либкнехта, 31. Его общее композиционное решение соответствует классицистическим традициям, главный фасад завершен антаблементом, раскрепованным над центральным ризалитом триглифами, а налични-

Дом по Харлампиевской улице в Иркутске. Фото кон. XIX в.

Училище «Детский сад». Фото 1899–1901 гг.

ки увенчаны роскошными барочными сандриками, центральные поля ставен украшены виньетками тонкого рисунка.

Как уже упоминалось, классицизм привнес новые приемы оформления фасадов, которые надолго закрепились в деревянном домостроении: венчающий неполный антаблемент, раскреповка стен. В дальнейшем, несмотря на смену художественных предпочтений, стилей и форм, принцип композиционного построения фасада, заложенный в эпоху классицизма, оставался незыблемым.

После отмены государственных регламентаций деревянные постройки, реализованные по профессиональным проектам, выполнялись в соответствии с последовательно сменявшимися архитектурными направлениями своего времени. Массовое деревянное домостроение было как бы вне сиюминутных новаций, однако влияние профессиональной архитектуры были довольно явственным. Буквального заимствования элементов не было, скорее, была творческая переработка и своеобразное преломление каких-то знаковых элементов. В итоге иркутские мастера не только смогли сохра-

нить традиционные формы, но и органично соединили их со стиливой архитектурой.

С конца XIX века широкое применение получила пропильная резьба, дешевая и простая в исполнении. Такая резьба не была связана с архитектурой конкретного здания и композиционной логикой его построения. Одинаковые по рисунку и размеру пропилы могли украшать разные по габаритам и назначению постройки. Пропильный узор мог накладываться на гладкий фон, а мог работать на просвет, создавая кружевную светотень, что усиливало декоративность убранства. В рисунке пропила преобладали орнаментальные и растительные мотивы. В соответствии с изменившимися стилистическими предпочтениями в резьбе появляются мотивы народной вышивки, механических деталей. Со временем также благодаря влиянию стиливой архитектуры появляются и новые типы наличников.

Деревянное зодчество Иркутска – тема огромная и неисчерпаемая. Богатство и разнообразие форм, самобытность и оригинальность, сочетание народности и профессионализма, свойственные деревянному зодчеству Иркутска, определяют его особое место в мировой культуре.

В данной статье мы постарались дать лишь общую канву развития города, показать особенности изменений на разных этапах. К сожалению, иркутское дерево находится в плачевном состоянии. Нельзя допустить его исчезновения.

Именно сейчас городское сообщество должно это осознать и решить, быть ли деревянному Иркутску. Сохранение деревянных памятников прежде всего связано с определением дальнейшей судьбы исторического центра города и с проблемой сохранения у Иркутска статуса исторического города. Сегодня важно понять следующее: если мы потеряем историческую среду – мы потеряем историчность города в целом и превратимся в очередного безликого монолитно-бетонного монстра. Нужно остановить целенаправленное уничтожение историко-архитектурной среды города, сберечь красоту старой деревянной застройки, ведь красота, как известно, не стареет.

Вид на Иркутск с Крестовоздвиженской церкви. На переднем плане 130-й квартал. Фото нач. XX в. ИОКМ

Публикуется по: *Иркутск деревянный. Альбом-путеводитель / Фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2010. С. 7–24.*